

Глава первая,
*в которой рассказывается
о чудотворных мощах
святого Гуга и еще кое о чем*

А стрелы какие — длиною в ярд!
Оперенье — павлинье перо!
Блестящей насечкою радует глаз
Белое серебро.

Полная луна светила так ярко, что муравьи видны были на лесной тропинке. Серебряные ветви дубов бросали на траву черную тень, а там, где листва была реже, дымчатые столбы лучей тянулись к земле.

Возле сторожки лесничего, срубленной из толстых бревен, остановилась невзрачная лошаденка. Сухенький старичок неловко сполз с седла и, сильно припадая на одну ногу, проковылял к окну. Он постучал по доске, которой изнутри было закрыто окно, и к щелчке тотчас же прильнул недоверчивый глаз.

— Открой, добрый человек, — тихо сказал поздний гость. — Я совсем заплутался у вас в лесу.

Полоска красного света брызнула в щель, погасла, вспыхнула снова: хозяин сторожки вздул огонь.

— Кого еще там принесло? — раздался не-приветливый голос.

Старичок уткнулся бородкой в окно и громко закричал:

— Башмачник я, в Ноттингем еду за кожей, на ярмарку! Пусти переночевать, хозяин!

Загремел засов.

Тяжелая дверь отворилась, и в лунном свете блеснуло лезвие ирландского ножа. Черный Билль, лесничий королевских лесов, встретил позднего гостя на пороге.

— Ты один? — спросил лесничий, вглядываясь в тень за спиной старика.

— Как Адам, когда еще не было Евы, — повеселевшим голосом ответил старичок. — Впрочем, есть при мне кости святого Гуга.

Он вошел в сторожку, ведя за собой лошадь. Поставив лошадь в тот угол, где гремел о кормушку цепью жеребец лесничего, старичок скинул с плеча небольшую кожаную сумку.

Черный Билль, угрюмо насупившись, разглядывал гостя.

— А что у тебя в сумке, башмачник?

Старичок развязал котомку и поднес к носу лесничего десяток ножей, шильев и сверл. Лукаво ухмыляясь в седую бородачку, он заговорил быстро-быстро, так что Черный Билль не мог вставить ни словечка:

— Великое дело — мощи святого Гуга! Святой Гуг ведь тоже был бродячий башмачник, вроде меня. А когда накинули ему на шею петлю за то, что он полюбил прекрасную Финифред, он воскликнул в великом горе: «Слушайте, все башмачники, какие есть на божьей земле!

Мне нечего вам завещать. Жизнь у меня отнимает палач, мясо мое склюют жадные птицы. Я оставлю вам свои кости, пусть они принесут вам счастье». Нацеди мне кружку эля, хозяин, дай промочить горло с дороги. Хорош, хорош у тебя эль, лесник! Вот шли мимо виселицы веселые башмачники, слышат — стучат на ветру белые кости святого Гуга. «Глядите, — говорит один, — вот кости, что завещал нам святой!» — «А на что живому нужны мертвые кости?» — спрашивает другой. «Как на что? В этих костях такая же сила, как в мозгу бобра или в языке лягушки. Потому что, если ты высушишь мозг бобра, растолчешь в порошок и добавишь сычуга, который хозяйки кладут в сыр, и этой мазью натрешь порог, ни один вор не войдет в твой дом. А язык лягушки имеет такую силу, что если положишь его на грудь спящего, то спящий ответит тебе на всякий вопрос и расскажет, что будет завтра и через десять лет. А если лист чернобыльника положишь в башмак — хоть сорок миль пройди, не устанешь. А если кости святого Гуга башмачник положит в сумку...»

— Да постой, не тараторь, старик! — перебил гостя Черный Билль. — Никто не поверит тебе, что ты башмачник. Зачем башмачнику сверла? Уж больно знакома мне твоя борода. Не хромой ли ты стрельник из Трента? Как, и колчан у тебя при седле?

— А хоть бы и так, — не моргнув глазом, ответил старик. — Если мощи святого Гуга помогают башмачнику, почему бы им не сослужить службу доброму стрельнику?

— Какой же ветер занес тебя сюда, старик?

— Уж ты-то знаешь какой, — подмигнул гость. — Тот самый ветер, который тридцать лет не дает мне покою и таскает, как палый лист, по всему северному краю. Слышать, шериф в Ноттингеме объявил состязание лучников в День святого Петра? Значит, смекаю я, кому-нибудь да понадобятся меткие стрелы.

— А давно, однако, не видно тебя в наших лесах, — заметил лесничий, подливая старику темного эля.

— Да мало ли в Англии городов и сел! Рук-то у меня, на беду, только две. Трудно стало мне таскать по дорогам свои старые кости, а хороший стрелок всегда отыщет хромого из Трента. Только третьего дня приходили ко мне в Донкастер здешние молодцы. Говорят, красного зверя в Шервуде много, да шерифовы заставы караулят у каждого пня.

Черный Билль нахмурился.

— Смотри, старик, не сносить тебе головы! Я давно примечаю, у разбойников стрелы твоей работы.

— Ремесло наше такое. Разве ткач виноват, если веселые молодцы ходят в сукнах его работы? Были бы стрелы чисто сделаны, а чья рука их спустит с тетивы и в какую мишень, это дело не наше. Погляди, видал ты такие стрелы?

Стрельник прохромал к своей лошади, отвязал от седла объемистый кожаный колчан и положил его на стол перед лесничим.

— Вот на этих широких боевых — настоящие фландрские наконечники. Вот «игла» — по

мелкой дичи. Вот винтовая — для сильного ветра, — приговаривал мастер, бережно вытаскивая из колчана свои изделия. — Перья на ней заправлены наискось одно к другому, чтобы она вертелась на лету. Эта красная, с павлиньим пером, — для ветра с правой руки, а эта — для ветра с левой. Короткая — для дальнобойного лука, а эти, в ярд, — для шестифутового...

Черный Билль, вскидывая стрелы к глазу, проверял их прямоту. Вдруг он заметил, что стрельник, вытащив наполовину одну стрелу, поспешно упрятал ее обратно в колчан.

— Стой, стой! — воскликнул лесничий. — Покажи-ка мне ту, кленовую.

— Вот эту?

— Да нет же, ту, что ты спрятал, старик.

— То плохая стрела. Возьми лучше эту. Смотри, у нее ложбинка на пятке для воска, чтобы не соскальзывала с тетивы.

Но Черный Билль протянул уже руку и выдернул из колчана кленовую стрелу.

— Так эта, по-твоему, плохая, стрельник? Хитришь ты, как я посмотрю. Мне сдается, что лучшей нет у тебя в колчане.

Лесничий взял свой шестифутовый лук и приложил к тетиве блестящую полированную стрелу.

— Как раз и по луку! Клянусь распятием, с такой стрелой не страшен мне спор в Ноттингеме! Продай мне ее, старик!

Стрельник покачал головой.

— Эта стрела тебе не годится, парень. Видишь, она со свистом.

— Что это значит — со свистом?

— А вот в наконечнике у нее прорезана щелка. Ветер в нее входит, она и свистит на лету.

— Для чего же ты сделал стрелу со свистом? Мастер замаялся.

— Так уж... так уж мне было приказано, — пробормотал он.

— Ты скажи прямо, старик, для кого ты припас такую стрелу?

— Для одного молодца, который тоже будет в Ноттингеме на святого Петра.

Черный Билль, наморщив брови, так пристально посмотрел на хромого, словно хотел пронизать его взглядом.

— Что же, ты думаешь обмануть меня, старик? Или снова запоешь мне про мощи святого Гуга? Не видать Робин Гуду этой стрелы, потому что ты подаришь ее мне, лесничему королевских лесов!

— А если нет? — тихо спросил хромой стрельник из Трента.

— Если нет, — вспыхнул лесничий, — я отберу ее силой, а тебя научу, как таскаться по разбойничьим берлогам!

— Что ж, возьми, Черный Билль. Только смотри, никому ни слова, не то, пожалуй, кто-нибудь всадит мне в грудь стрелу моей же работы.

Кленовая стрела со щелкой в наконечнике исчезла в колчане лесничего.

Отобрав еще две такие же стрелы, Черный Билль отправил их в свой колчан следом за первой.

Глава вторая

О том, как шериф ноттингемский подарил Робину серебряную стрелу

Шериф приказал обыскать Ноттингам¹
И вдоль и поперек,
А Робин бродил по веселым лесам —
Веселей, чем на липе листок.

По всем дорогам, в селах и городах, герольды прокричали шерифово слово:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Слушай, весь добрый народ, слушайте, охотники, воины и лесничие! Слушай всякий, кто носит лук и колчан! Этот крик кричит благородный шериф ноттингемский. На святого Петра мы призываем всех метких стрелков северной стороны на веселый спор. А кто лучше всех будет бить в мишени, тот получит в награду стрелу чистого серебра. Наконечник и перья у стрелы — красного золота! И будет назван тот стрелок первым лучником северного края по сю сторону Трента. Боже, храни короля Ричарда и Гроб Господень!

Кто на конях, кто пешком, поодиночке и дружными ватагами, от Мэнсфильда и от Оллертон потянулись лучники к Ноттингему.

Молодцы Робин Гуда, оставив в Шервуде и Бернисдэле свои зеленые плащи, порознь, в желтых, в синих, в коричневых куртках, пробрались в город мимо зорких шерифовых сто-

¹Ноттингам — старое написание.

рожей; этот в северные ворота вошел, тот въехал в южные на старом осле. А шерифовы слуги все ждали, когда же покажется в городе меткий стрелок со своей дружиной. Не для него ли по всем дорогам трубили в свой рог герольды?

Шериф и знатные гости взошли на помост, разукрашенный пестрыми лентами. По правую руку рядом с шерифом сидела его жена в туго зашнурованном лифе, с серьгами в ушах, с длинными косами в шелковых вышивных чехлах.

Стуча мечами по доскам, рассаживались рыцари по местам.

Густая толпа окружала просторное стрельбище — железные колпаки вояк вперемежку с широкополыми войлочными шляпами крестьян.

Четыре сотни лучников, позванивая тетивами, ждали начала состязания.

Маленький старичок с кожаной сумкой за плечами опустился на колени перед шерифом.

— Благородный лорд шериф, — промолвил он тихо, оглянувшись по сторонам, — если ты подаришь мне одну золотую марку, я скажу тебе, как найти среди этих стрелков разбойника Робин Гуда.

— А кто ты такой и что известно тебе о разбойнике, старик?

— Я стрельник из Трента, сэр. Я сделал для Робин Гуда стрелы, с которыми он прибудет на праздник. В наконечниках этих стрел я прорезал искусные щели, так что стрелы при полете будут петь протяжным и резким свистом. Разбойника не узнать среди других стрелков, пото-

му что он переоделся и выкрасил бороду. Но ты отличишь его по свистящим стрелам.

Шериф запустил руку в кошель, висевший у пояса, и бросил старику немного серебра.

— Ты заслужил награду, старик! Если твои стрелы помогут изловить разбойника, ты получишь новый кафтан и денег в придачу.

Он подозвал к себе начальника городской стражи и приказал ему выследить стрелка со свистящими стрелами, схватить его незаметно и тихо, чтобы не нарушить веселье праздника.

Между тем стрельба началась.

Круглая мишень была врыта в землю за двести двадцать ярдов от черты.

Прижимая коленом упругое дерево, стрелки гнались луки, чтобы накинуть петлю тетивы на зарубку. словно стая птиц с резкими криками пронеслась над стрельбищем — это витые сухожилия запели под сильными пальцами.

То здесь, то там громко хлопала, лопааясь, слишком туго натянутая струна.

Черный Билль зорко всматривался в лица лучников.

Он узнал Маленького Джона, и Белоручку, и тощего стрелка, с которым однажды ему пришлось уже встретиться на стрельбищном поле за городскими стенами.

Но Робина не было видно.

Когда черед дошел до лесничего, он уверенной рукой пустил стрелу в мишень, и эта стрела пропела не громче, чем все другие, потому что лучший подарок хромого из Трента Черный Билль берег для трудного спора, который был впереди.

Слепец с двумя красными ямами вместо глаз протиснулся вперед, таща на ремне трехногую собаку.

— Безглазый с безлапым пришел! Дайте дорогу! — кричали ребята, и люди сторонились, чтобы пропустить слепца.

Все в Ноттингеме знали, что старый Генрих был когда-то первым стрелком на всю Англию, но шериф изловил его в королевском лесу на охоте и в наказание выколол ему глаза.

Парень в малиновой куртке положил руку слепому на плечо.

— Здравствуй, Генрих, — сказал он тихо. — Что не видать тебя в Шервуде?

— Приду, приду, стрелок, — вздрогнув, ответил безглазый. — И то заскучал в Ноттингеме.

Слепой склонил голову набок и долго прислушивался к жужжанию стрел.

— Эх, пострелять охота! — промолвил он.

Парень в малиновой куртке сунул в руки слепому свой лук и стрелу.

— А ты покажи им, Генрих, что для такой мишени и глаз не нужно.

Еще одна стрела прожужжала мимо и стукнулась в мишень.

— А клянусь Святой Троицей, покажу! — Безглазый улыбнулся широкой улыбкой. — Подержи моего пса, сынок. А ну-ка, ребята, поставьте меня у черты!

Запрокинув назад голову, он прошел к черте, у которой показывали свое искусство стрелки. Толпа притихла, глядя на горделивую осанку слепого.

— Стреляйте, стреляйте, молодцы! — сказал старик. — Бейте сильнее, чтобы я услышал мишень.

Лук неподвижно замер в его руке.

Не шевелясь, старый стрелок прислушивался, как ударяются стрелы в круглую доску. Стрела, оттянутая дальше правого уха, медленно поворачивалась на звук; легкий ветерок шевелил яркие павлиньи перья на ее древке.

— Сколько ярдов до мишени?

— Двести двадцать.

Привычная рука подняла жало стрелы дюймов повыше.

— Смотри, шериф, — громко сказал слепой, не поворачивая головы, — в такие мишени только и стрелять что сослепу!

Он спустил тетиву с такой силой, что стрела надвое расколола мишень. Потом, не обращая внимания на восторженные крики стрелков и народа, высоко вскидывая колени, зашагал прочь от черты. Парень в малиновой куртке выбежал к нему навстречу с трехногой собакой на ремне.

Немало потребовалось времени, чтобы все четыре сотни лучников выстрелили по первому разу.

Ко второй стрельбе из них осталось пятьдесят человек.

Мишень поставили дальше на сотню ярдов, и по три стрелы в нее всадили только семеро: синяя куртка, рыжая куртка, Черный Билль, малиновая куртка, тощий лучник и двое стрелков из шерифовой стражи.

Теперь слуги принесли охапку прямых ивовых прутьев, очищенных от коры, и воткнули три прута в землю на расстоянии в триста ярдов от черты.

Крестьяне веселыми возгласами подзадоривали стрелков:

— Неужто кто-нибудь срежет стрелой такие тонкие прутья?

— Это только Робину впору!

— Старый Генрих, уж верно, срезал бы, будь у него глаза.

— А Робин-то струсил: не видать его что-то сегодня.

— Ясное дело — всякому шкура дорога. Приди он, его живо бы сцапал лорд шериф.

— Эй ты, рыжая куртка! Что ты там шепчешь над своей тетивой? Скажи, как звать твоего святого, помолимся вместе — авось скорее услышит!

Тощий лучник первым вышел к черте.

— Вот стрелок! Не стрелок, а стрела: и тонок и легок!

— Что это он колдует? Гляди: перышко кинул в воздух!

— Это он ловит ветер.

Внимательно проследив полет пушинки, лучник прицелился и спустил тетиву. Прут задрожал, но стрела, задев его, пролетела мимо. Со второго выстрела он расщепил ивовый прут, третья стрела пролетела мимо.

— Ну, рыжая куртка, покажи, как любит тебя твоя святой!

Рослый парень вразвалку подошел к черте, отер правую руку о свою рыжую куртку, ши-

роко расставил ноги и выстрелил. Вырванный сильным ударом прут упал на траву.

Черный Билль исподлобья посмотрел на стрелка: его раздосадовала удача Маленького Джона.

Второй прут разлетелся в щепки.

— Ай рыжий, ай рыжий! — кричали в толпе. — Да он мухе в глаз попадет, если крепко прицелится!

Но на третий раз Маленький Джон промахнулся. Синяя куртка сменила его у черты.

Билль Белоручка, промазав два раза подряд, виновато посмотрел на парня в малиновой куртке. Тот укоризненно покачал головой.

Первый из воинов шерифовой стражи выпустил три стрелы, но все пролетели мимо трудной мишени.

Теперь пришел черед Черного Билля. По своему обыкновению, он сощурился так, что стрелки покатались со смеху.

Протяжный, резкий свист пронесся над полем.

Прицел был взят слишком низкий — стрела впилась в землю у самого прута.

— Да ты жмурься получше! — кричали ему со всех сторон. — Не робей, борода! Это черт толкнул тебя в локоть!

Шериф привстал с места, услышав свист стрелы.

— Где твоя хваленая меткость, стрелок? — спросил он насмешливо, и лесничий ответил ему удивленным взглядом. — Покажи, покажи, как вы бьете королевских оленей!

Сменив тетиву на луке, Черный Билль выстрелил снова. В неподвижной тишине опять

раздался резкий, свистящий звук. Второй прут был расщеплен надвое, а за ним и третий.

— Что за стрелы такие у молодца? Свищут, как змеи. А прицел у него хорош! Если б он пристрелялся...

Какая-то суматоха поднялась вокруг чернобородого стрелка, когда он шагнул в толпу. Но все глаза направлены были на мишень, потому что второй воин из шерифовой стражи стоял уже у черты и целился.

Раз... Первый прут пошатнулся, оцарапанный стрелой.

Два... От второго отлетела верхушка.

Три... Третий прут раздвоился вилкой.

Толпа пошатнулась, четыре сотни луков поднялись в воздух, приветствуя искусного стрелка. Шериф снова встал, и в его руке заблестела золотом и серебром стрела, предназначенная победителю в состязании. Он помедлил одно мгновение, глядя, как его стражники тащат в сторону от стрельбища упирающегося чернобородого стрелка.

В это время к черте вышел парень в малиновой куртке.

— Таких удальцов я люблю, — весело сказал парень, тяжелой рукой хлопнув воина по спине. — Только спор наш еще не кончен. Эй, там, не зевайте! Поставьте новые прутья!

Три стрелы, сверкая павлиньими перьями, одна за другой слетели с его тетивы, три расщепленных прута запрыгали в дальнем конце поля.

— А теперь, молодец, мы с тобой потягаемся снова, — шепнул Робин шерифову стрелку. —

Только, чур, уговор: если ты меня обстреляешь, я пойду под твоё начало, а если я тебя — гулять тебе со мной вместе по веселым лесам!

Шериф опустил серебряную стрелу, ожидая, пока смолкнет оглушительный рев толпы.

— Что ж, — сказал он, когда возгласы стихли, — я не знаю, кому присудить награду. Как сказать, кто из вас метче, если оба стреляли без промаха? Выбирайте, как стрелять вам теперь.

— Пусть Генрих скажет! — закричали в толпе. — Пусть Генрих скажет!

Десятки рук подтолкнули слепого вперед.

— Пусть померяются, кто лучше бьет навскидку! — сказал старик.

И тотчас же народ подхватил его слова:

— Навскидку! Навскидку! Бейте навскидку!

Воин кивнул головой.

Он снова вышел к черте и повернулся спиной к полю, держа наготове натянутый лук. Теперь ему не было видно, на каком расстоянии и в каком направлении воткнут будет в землю прут. По слову шерифа он должен был повернуться и, прежде чем шериф досчитает до трех, спустить стрелу.

— Готово! — сказал шериф. — Раз... два... три!

Воин выстрелил, но промахнулся. Шериф поморщился, потому что желал удачи стрелку своей стражи, а никак не неизвестному крестьянину в малиновой куртке.

Когда последний повернулся спиной к стрельбищу и прут был воткнут в землю на новом месте, шериф снова воскликнул: «Готово!» — и отсчитал до трех.

На этот раз он считал гораздо быстрее, чем прежде, но стрелок в малиновой куртке вовремя успел спустить стрелу.

Вычертив в воздухе широкую дугу, стрела начисто снесла верхушку белого прута.

— Получай же награду! — сказал шериф, протягивая лучнику в малиновой куртке стрелу с наконечником и перьями из красного золота. — Поистине ты заслуживаешь имени лучшего стрелка во всем северном крае по эту сторону Трента!

Неизвестный в малиновой куртке поклонился шерифу и веселой толпе, опуская стрелу в свой колчан.

Синие, рыжие, желтые куртки окружили его.

Кто-то тронул стрелка за рукав. Это был хромой стрельник из Трента.

— Нам нужно спешить, друзья, — сказал он, — они скоро раскусят, что обманула их стрела, которая свистит на лету.

Глава третья

О том, как Робин спас трех сыновей вдовы

«Кафтан, кафтан, — сказал шериф, —
И денег заплачу.

Тринадцать пенсов и кафтан —
Вот плата палачу».

— Что же случилось с твоими сыновьями, добрая женщина? — спросил Робин.

— Сэр Стефен дознался, что это они, — отвечала старуха. — Он дознался, что они зажг-

ли костер, на котором сгорели все свитки и грамоты вотчинного суда. Они хорошие мальчики, мои сыновья. Как три молодых дубочка! А сэр Стефен схватил их и угнал в Ноттингем, и шериф их повесит теперь. Говорят люди, что ты никогда не оставлял виллана в беде. Помоги мне, спаси моих мальчиков, стрелок!

— Хорошо, — сказал Робин. — Ступай домой и не плачь, я спасу твоих сыновей.

Он поднял старуху на ноги и обернулся к стрелкам:

— Принеси мой лук, Давид Донкастерский. Ну, молодцы, кто хочет со мной в Ноттингем?

Но стрелок, которого звали Давидом Донкастерским, не тронулся с места.

— Тебе нельзя в Ноттингем, Робин! — воскликнул он. — На Ватлингской дороге вчера стоял герольд и кричал, что шериф объявил за твою голову награду.

— И дорого стоит моя голова?

— Двадцать марок обещает шериф всякому, кто доставит тебя в Ноттингем живым или мертвым.

— Неправду ты говоришь, Давид, — повел бровями Робин. — Я был на Ватлинге и сам слышал, что кричал глашатай. Двадцать марок шериф обещал за мертвого Робин Гуда, десять марок всего — за живого! Ты говоришь, как трус, Давид!

Веселый стрелок взял свой лук и колчан, в котором среди других стрел блестела серебряная стрела, подарок лорда шерифа. Его товарищи двинулись за ним, а дрозды свистали в вет-

вах, щебетали синички и коноплянки, и быстрые дятлы стучали над головой.

На широкой дороге повстречался Робину нищий, одетый в лохмотья. Робин скинул с плеч свой зеленый плащ и отдал его побирушке, а сам поверх малиновой куртки накинул рубище, в котором было больше прорех, чем разноцветных заплат.

Когда стрелки подошли к Ноттингему, у городской стены они увидели три виселицы и большую толпу народа.

Поминая Христово имя и почесываясь, как это делают вшивые бродяги, Робин Гуд протиснулся вперед.

Три сына вдовы, связанные веревками по рукам и ногам, стояли под виселицами, и шерифова стража в блестящих кольчугах, с копьями, с датскими топорами и с луками в руках окружала их. Шериф сидел на высокой скамье, покрытой сарацинским ковром, рядом с ним сидели присяжные и сэр Стефен.

Священник с распятием подошел к сыновьям вдовы, Библия на железной цепи болталась у его колена; он предложил осужденным принять перед смертью святое причастие.

Но старший из сыновей отвернулся от исповедника и сказал громко, как смелый человек:

— Святой отец, ты говоришь так, будто мы уже мертвы. Но мы еще живы, и Господь не допустит, чтобы нас лишили жизни за правое дело.

И средний сын отвернулся от священника и сказал:

— Плохо ты служишь Господу Богу, если служишь шерифу ноттингемскому. — Потом он подмигнул вилланам, стоявшим в толпе: — А палача у них нет! Смотрите, он выпил для храбрости слишком много и никак не сладит с веревкой.

Тут все в толпе рассмеялись, потому что палач и вправду был пьян. Он хотел потуже затянуть петлю на веревке и продел в нее ногу, как в стремя, а петля затянулась, точно силок. Палач упал на спину и не мог подняться: он дергал ногой, но не мог оборвать веревку. Стражники поволокли его прочь, а священник подошел к третьему сыну вдовы.

Младший сын тоже не принял причастия. Он посмотрел на далекий зеленый лес и расправил широкие плечи.

— Я помню за собой только один грех, святой отец, и в нем охотно тебе покаюсь. Я грешен в том, что слишком долго терпел. Давно мне нужно было сбросить с плеч ярмо и уйти в леса, к свободному Робин Гуду.

Веселому Робину пришлось по душе эти слова. Он лучше прикрыл лохмотьями свой лук и подошел к шерифу.

— Какую плату положишь ты палачу за работу, благородный лорд? — спросил он шерифа.

Ральф Мурдах выпрямился, и глаза его радостно блеснули.

— Клянусь, сам Бог послал тебя, нищий! Я подарю тебе за работу новый кафтан, без единой прорехи, и тринадцать пенсов серебром.

— Тринадцать пенсов! — воскликнул Робин. — Тринадцать пенсов за три веревки, тринадцать пенсов и новый кафтан! А сколько заплатишь ты мне за эту стрелу, шериф?

Перед самым носом шерифа сверкнула стрела с наконечником и перьями красного золота, и шериф откинулся назад, побледнев так сильно, будто эта стрела вошла ему в ребра. Робин стряхнул с себя лохмотья побирушки, малиновая куртка вспыхнула на солнце. Он пустил серебряную стрелу в небо, и по этому знаку со всех сторон из толпы кинулись к виселицам молодцы в зеленых плащах.

— О-хо-хо! — закричал отец Тук. — С нами Бог и святые угодники!

Дубина завертелась над его головой и пошла щелкать по железным колпакам шерифовых стражников. Стрела летела выше и выше в синее небо, а Маленький Джон и повар Артур из Бленда уже расчистили дорогу к помосту, на котором стояли три сына вдовы. Священник бросился на колени, как щитом, прикрывшись распятым, и прямо через него перемахнул старший сын, скидывая с рук разрубленную веревку.

Только тут, блеснув золотом, стрела упала с неба и воткнулась в помост, как молния, схваченная на лету.

Говорят, что в драке семеро лучше пяти и пятеро лучше трех, и это, конечно, верно. Стрелков было четыре десятка, а шерифовой стражи — сто человек. Но кольчуга крепче линкольнского сукна, датский топор тяжелее дубины, вот почему очень скоро люди шерифа железной

стеной окружили своего господина и стали теснить лесных молодцов.

— Веселей, веселей, ребята! — покрикивал Робин Гуд. — Не жалейте колпаков и кольчуг!

— Ко мне! — раздался голос Скателока из-под кучи тел. — Клянусь крестом, я поймал их начальника!

Отец Тук, бросив дубину, навалился грудью на стражников, подмявших под себя Скателока. Начальник стражников, вывернувшись из рук стрелка, взмахнул ножом над широкой спиной монаха, но опрокинулся навзничь, пробитый стрелой.

Робин Гуд, спешивший на выручку Скателокку и Туку, обернулся, дивясь, откуда прилетела стрела. На перекладине виселицы сидели двое: тощий лучник в лисьей шапке и шерифов стрелок, состязавшийся с Робинем на стрельбище.

Оба, с луками в руках, спокойно смотрели сверху на свалку, выбирая мишени.

— Эге! И ты тут! Учишься бить навскидку, приятель? — рассмеялся Робин и едва успел отскочить в сторону из-под сверкнувшего над его головой топора.

Он ответил врагу ударом ножа; клинок скользнул по кольчуге, но стражник упал, сшибленный с ног тяжелым кулаком.

Из городских ворот вырвался конный отряд; шпоря лошадей, всадники скакали на помощь шерифу. Тогда звучный рог Робина покрыл шум схватки.

— К лесу, ребята! — крикнул Робин, и его молодцы, как подхваченные ветром зеленые листья, запрыгали и понеслись по дороге.

Толпа горожан, собравшаяся вокруг виселиц, чтобы посмотреть, как повесят сыновей вдовы, давно растаяла. Только кучка крестьян из-за поворота дороги следила за ходом битвы. Теперь пришло время для стрел. Тот, кто раньше других успел выбраться из свалки, натягивал лук в ожидании товарищей.

— Стойте, Маленький Джон остался!

— Он ранен, Робин!

— Бейте по лошадям! — скомандовал Робин, надеясь задержать верховых.

Вместе с Муком и сыновьями вдовы он повернул назад и, подхватив с земли чей-то меч, врезался в толпу стражников.

Маленький Джон отбивался от наседавших на него врагов, стоя на одном колене; из другого колена у него хлестала кровь. Тощий лучник и шерифов стрелок принимали на себя направленные против него удары, и вся ярость стражников обрушивалась на изменившего шерифу воина.

— Не робей, Джон, держись! — крикнул Мук.

Робин, прорвав кольцо нападавших, с такой силой ударил мечом одного из стражников, что тот, покотившись, сбил с ног другого. Мук помог младшему сыну вдовы взвалить на плечи Маленького Джона. Тощий лучник, Робин и шерифов стрелок загородили товарищей и так, отбиваясь, пятились до самой дороги.

Между тем всадники, стройная колонна которых рассыпалась под первым роем стрел, совладали с прыгнувшими в сторону лошадьми и во весь опор понеслись на стрелков.

Четверо всадников отделились от колонны и поскакали наперерез Робину и Муку.